ИВАНЪ ТУРГЕНЕВЪ.

ХАРАКТЕРИСТИКА

ГЕОРГА БРАНДЕСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

(изъ книги «Moderne Geister»)

изд. 1887 г. Берлинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
...фія Ю. Н. Эрлихъ, Большая Садовая, № 9.
1888.

ИВАНЪ ТУРГЕНЕВЪ.

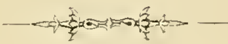
ХАРАКТЕРИСТИКА

ГЕОРГА БРАНДЕСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

(изъ книги «Moderne Geister»)

изд. 1887 г. Берлинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ. Большая Садовая, № 9.
1888.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 Февраля 1888 г.

ИВАНЪ ТУРГЕНЕВЪ.

(1883).

I.

Необходимо понимать порусски и глубоко посвятить себя въ исторію русскаго общества и литературы, чтобы вполнѣ оцѣнить Тургенева. Но чтобы охватить его величину и преклониться предъ нею—этого недостаточно. Все, что образованные классы въ странахъ германскихъ и романскихъ знаютъ въ наше время о внутренней жизни славянскаго племени,—всѣмъ этимъ они обязаны почти исключительно одному этому человѣку. Никто изъ прежнихъ русскихъ писателей не читался въ Европѣ, подобно ему; на него смотрѣли скорѣе какъ на международнаго, нежели русскаго писателя.

Онъ открылъ намъ новый міръ образовъ, но онъ вовсе не нуждался въ этомъ побочномъ интересѣ для увеличенія достоинства своихъ произведеній, ибо Европа восхищалась въ немъ художникомъ, а не бытописателемъ.

Не смотря на то, что за предѣлами своего отечества онъ едва-ли былъ читаемъ на его родномъ языкѣ, тѣмъ не менѣе прозорливая критика повсюду, даже въ странахъ, въ художественномъ отношеніи далеко ушедшихъ впередъ, поставила его въ одинъ рядъ съ лучшими своими писателями. Его читали въ переводахъ, которые, само собою разумѣется, затемняли и умень-

шали силу впечатлѣнія, но совершенство оригинала такъ очевидно сказывалось въ болѣе или менѣе удачно переданныхъ образахъ, что по этому можно было видѣть, сколько потерялъ онъ въ отношеніи изящества и остроумія. Великіе поэты, обыкновенно, дѣйствуютъ глубже своимъ слогомъ, потому что посредствомъ его они лично идутъ на встрѣчу читателю. Тургеневъ въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ такъ глубоко, какъ едва-ли кто другой, хотя нерусскій читатель зналъ только болѣе бьющее въ глаза въ его слогѣ, едва понималъ, выражался ли онъ рѣзко или изящно, едва угадывалъ свойственныя языку особенности его остроумія и также былъ далекъ отъ пониманія его намековъ, какъ и отъ возможности сравнивать его уподобленія и характеристики личностей и образа мыслей въ Россіи съ воспроизведенною дѣйствительностью. Тургеневъ побѣдилъ на художественномъ пути, хотя шаги его были скованы; онъ восторжествовалъ на великой аренѣ, хотя сражался притупленнымъ мечомъ.

Онъ населилъ для насъ великое восточное государство. Ему мы обязаны знаніемъ духовнаго склада мужчинъ и женщинъ этой страны. Хотя онъ, лишь тридцати лѣтъ отъ роду, покинулъ Россію, чтобы никогда не возвращаться туда въ качествѣ постояннаго гражданина своей родины, тѣмъ не менѣе онъ никогда не изображалъ никаго другого, кромѣ людей этой страны, а нѣмцевъ и французовъ—только какъ полуобрусѣвшихъ, или въ соприкосновеніи съ русскими.

Онъ хотѣлъ изображать только тѣ личности, съ свойствами которыхъ онъ былъ знакомъ съ юныхъ лѣтъ. Мы оставляемъ безъ вниманія мнѣніе извѣстныхъ кружковъ, которые, подъ вліяніемъ споровъ между славянофилами и сторонниками Европы, отрицали въ Тургеневѣ знаніе отчизны и считали его самаго какимъ то западникомъ. Будь онъ хотя немного менѣе космополитъ, едва-ли его произведенія обошли бы весь цивилизованный свѣтъ, какъ это случилось на самомъ дѣлѣ.

Онъ далъ намъ картины лѣса и степи, весны и осени, всѣхъ

состояній и классовъ общества, всѣхъ ступеней умственнаго развитія въ Россіи; онъ нарисовалъ ихъ всѣхъ, крѣпостного и княгиню, крестьянина, помѣщика и студента, молодыхъ дѣвушекъ, чистыхъ душою, надѣленныхъ самой нѣжной славянской прелестью, и холодныхъ, прекрасныхъ, эгоистичныхъ кокетокъ, которыя въ Россіи, кажется, еще безразличнѣе въ ихъ безсердечіи, чѣмъ гдѣ-либо. Онъ далъ намъ богатую психологію цѣлой человѣческой расы, правда, глубоко проникнутый чувствомъ, но никогда не омрачая душевной тревогою прозрачной ясности изображенія. Черезъ всѣ произведенія Тургенева несется широкая, захватывающая волна меланхоліи. Какъ бы правдивы и объективны ни были воспроизведенные имъ образы, и хотя онъ никогда не влагаетъ лиризма въ свои повѣсти и романы, тѣмъ не менѣе въ совокупности его произведенія оставляютъ лирическое впечатлѣніе. Въ нихъ сказалось столько чувства, и это чувство—постоянно печаль, личная, необыкновенная печаль, безъ капли чувствительности. Тургеневъ никогда не отдается весь чувству, онъ обнаруживаетъ его постепенно, но ни одинъ изъ западноевропейскихъ разскащиковъ не проникнутъ въ такой степени печалью, какъ онъ. Великіе меланхолики латинской расы, какъ Леонарди и Флоберъ, отличаются рѣзкими, опредѣленными контурами своего стиля, нѣмецкая грусть ярко юмористична, или патетична, или сантиментальна. Меланхолія Тургенева всецѣло-меланхолія славянскаго племени съ его недугами и печалями; она происходитъ по прямой линіи отъ меланхоліи славянскихъ народныхъ пѣсенъ.

Точнѣе эту печаль можно опредѣлить, назвавъ ее печалью мыслителя. Тургеневъ глубоко заглянулъ въ сущность вселенной и понялъ, что всѣ идеалы человѣчества, справедливость, разумъ, абсолютное благо, всеобщее счастье для природы безразличны и присущей ей божественной силой никогда не проявляются. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ произведеній, въ сборникѣ „Сти-

хотворенія въ прозѣ" онъ, глубокопроницательный мудрецъ, высказалъ свое credo въ формѣ видѣнія.

Среди подземной храмины, глубоко задумавшись, сидитъ женщина въ волнистой одеждѣ зеленаго цвѣта.

„Я тотчасъ понялъ, что эта женщина,—сама природа,—и мгновеннымъ холодомъ внѣдрился въ мою душу благоговѣйный страхъ.

Я приблизился къ сидящей женщинѣ и, отдавъ почтительный поклонъ: „О, наша общая мать!" воскликнулъ я.—О чемъ твоя дума? Не о будущихъ ли судьбахъ человѣчества размышляешь ты? Не о томъ ли, какъ ему дойти до возможнаго совершенства и счастія?

Женщина медленно обратила на меня свои темные, грозные глаза. Губы ея шевельнулись—и раздался зычный голосъ, подобный лязгу желѣза.

— Я думаю о томъ, какъ бы придать большую силу мышцамъ ногъ блохи, чтобы ей удобнѣе было спасаться отъ враговъ своихъ. Равновѣсіе нападенія и отпора нарушено... Надо его востановить.

— Какъ? пролепеталъ я въ отвѣтъ.—Ты вотъ о чемъ думаешь! Но развѣ мы—люди, не любимыя твои дѣти?

Женщина чуть-чуть наморщила брови:—Всѣ твари мои дѣти,—промолвила она.—Я одинаково о нихъ забочусь—и одинаково ихъ истребляю.

Печаль Тургенева одновременно печаль патріота, пессимиста и друга человѣчества. Несмотря на весь свой кажущійся космополитизмъ, онъ былъ патріотъ, но патріотъ, скорбѣвшій о своей родинѣ и сомнѣвавшійся въ ней. На него многократно нападали за это и даже издѣвались надъ нимъ. Достоевскій въ своемъ романѣ „Бѣсы" въ образѣ Кармазанова пытался выставить его въ смѣшномъ видѣ.

Тургеневъ не раздѣлялъ преклоненія своихъ наивныхъ и малообразованныхъ соотечественниковъ передъ русскимъ народомъ, какъ таковымъ.

Молодымъ писателемъ онъ началъ съ того, что въ формахъ, допускавшихся цензурою, выразилъ свое негодованіе противъ крѣпостничества. Цензура, по всей вѣроятности, имѣла благодѣтельное вліяніе на его талантъ и силой необходимости развивала въ немъ важность, аристократизмъ и сдержанность. Если въ немъ и была когда либо въ ранней молодости склонность къ непосредственному паѳосу, къ декламаціи и рѣзкимъ эффектамъ—эта склонность ни въ какомъ случаѣ не могла быть въ немъ сильна — требованія цензуры убили бы ее. Чтобы возбудить состраданіе къ крѣпостнымъ, показать безправіе, среди котораго они проводили свою жизнь и дать картину жестокости, даже помимо побоевъ и оковъ истязавшей ихъ до смерти, онъ разсказалъ отрывки изъ своего охотничьяго дневника, визиты къ помѣщикамъ или къ доктору и между прочимъ то здѣсь, то тамъ маленькую исторію, исторію той мельничихи, которая, въ дѣвушкахъ, провинилась въ черной неблагодарности, пожелавъ выйти замужъ, несмотря на то что ея барыня, ангельски добрая дама, не выносила замужней прислуги, и которая, за желаніе скрыть свои отношенія къ милому, была въ наказаніе выдана противъ воли за другого, послѣ того какъ ея Петрушка былъ сданъ въ солдаты; или исторію глухонѣмого, исполински сильнаго двороваго Герасима, возлюбленную котораго госпожа ради потѣхи выдала за какого-то пьяницу, того Герасима, который долженъ былъ утопить свою собаку, маленькую тощую собаченку Муму, свое единственное утѣшеніе и единственную подругу въ этомъ мірѣ, потому только, что Муму своимъ тявканьемъ безпокоила повременамъ барыню, когда та послѣ слишкомъ плотнаго ужина страдала безсонницей. Обѣ исторіи разсказаны безъ всякой задней мысли, безъ всякаго вывода. Скорбь, вызванная этою жестокостью, обнаруживается только въ видѣ ироніи, и эта иронія въ свою очередь исчезаетъ въ общемъ печальномъ колоритѣ.

Причина, дѣлающая основное настроеніе Тургенева столь сильнымъ и исключительнымъ, лежитъ, какъ было уже сказано, въ томъ, что онъ былъ одновременно и пессимистомъ и другомъ чело-

вѣчества, въ его любви къ людямъ, о которыхъ онъ такъ невысоко думалъ и которымъ такъ мало довѣрялъ.

Тургеневъ не только принадлежалъ къ дворянской семьѣ, но и къ знаменитому роду, который насчитываетъ въ своихъ рядахъ много заслуженныхъ и славныхъ мужей; и, какъ писатель, онъ обнаруживаетъ слѣды благороднаго происхожденія. Не то что бы онъ самъ, какъ лордъ Байронъ и князь Покклеръ, придалъ своимъ сочиненіямъ этотъ оттѣнокъ, на подобіе внѣшняго отличія, напротивъ того въ его книгахъ не найдется ничего, что бы непосредственно напоминало о знатности автора, и тѣмъ не менѣе, читая его, чувствуешь, что ему отъ природы свойственно изящество и что онъ всегда вращался въ лучшемъ обществѣ. Онъ былъ свѣтскій человѣкъ, и въ его произведеніяхъ проглядываетъ то знаніе жизни свѣтскаго человѣка, котораго, обыкновенно, не достаетъ нѣмецкимъ поэтамъ. Но это знаніе не сдѣлало его, подобно нѣкоторымъ писателямъ Франціи, холоднымъ или циничнымъ. Хотя въ своихъ произведеніяхъ онъ никогда не оскорбляетъ хорошаго тона, тѣмъ не менѣе его тонъ не свѣтскій тонъ. Самое презрѣніе его вовсе не холодное презрѣніе. Въ его голосѣ всегда слышится душа.

Трудно ясно и опредѣленно сказать, что дѣлаетъ Тургенева художникомъ перваго ранга. Говоря кратко, это лежитъ въ *истинности* его изображенія. Но и это слово требуетъ не совсѣмъ краткаго поясненія.

Прежде всего ему въ высшей степени свойственна особенность истинныхъ поэтовъ воспроизводить людей, которые дѣйствительно живутъ. Жизнь его образовъ не только болѣе рельефно очерченная внѣшняя жизнь—они жизненны до кончиковъ пальцевъ—это въ то же время до такой степени внутренняя, изо дня въ день таинственно совершающаяся душевная жизнь, что мы можемъ вполнѣ и всесторонне изучить ее. Но что дѣлаетъ его художественное превосходство столь осязательнымъ, такъ это ощущаемое читателемъ соотвѣтствіе отношенія самого поэта къ изображеннымъ

имъ личностямъ, или его приговора надъ разсказаннымъ съ впечатлѣніемъ, которое получается отъ того же самимъ читатетемъ.

Дѣло въ томъ, что отношеніе поэта къ его собственнымъ образомъ таково, что оно тотчасъ же должно обнаружить его слабости, какъ человѣка или какъ художника. Поэтъ можетъ обладать многими рѣдкими дарованіями, но если онъ требуетъ отъ насъ удивленія предъ тѣмъ, что вовсе не заслуживаетъ удивленія, если онъ силится вызвать въ насъ сочувствіе къ какому нибудь мужчинѣ, или состраданіе къ какой-нибудь женщинѣ, или восторгъ предъ какимъ-нибудь дѣяніемъ, когда мы сами не чувствуемъ ничего подобнаго, въ такомъ случаѣ онъ самъ себя ослабляетъ и вредитъ себѣ. Если романистъ, за которымъ мы долго слѣдили, оказывается вдругъ менѣе критикомъ и болѣе чувствительнымъ, чѣмъ мы, тогда его произведеніе кажется намъ неудавшимся. Если онъ выводитъ личность неотразимо покоряющею сердца въ то время, какъ мы не находимъ ее обаятельной, или изображаетъ ее талантливой и остроумной, когда она не кажется намъ такою, или когда онъ заставляетъ ее совершать подвигъ болѣе смѣлый, чѣмъ мы можемъ ожидать отъ нея, или объясняетъ ея поступки великодушіемъ, котораго мы никогда не встрѣчали и въ которое не вѣримъ въ данномъ случаѣ; если онъ произвольно требуетъ отъ насъ незаслуженнаго почтенія, или возмущаетъ насъ холодностью, или раздражаетъ моралью, — тогда, часто или по временамъ, у читателя возникаетъ мысль, что художнику измѣнило искусство; мы словно слышимъ тогда какой-то фальшивый звукъ и, если даже впослѣдствіе онъ будетъ измѣненъ, въ насъ всетаки остается смутное воспоминаніе о чемъ-то непріятномъ. Кому изъ читателей Бальзака, Диккенса, или Ауэрбаха—говоря только о великихъ покойникахъ—не знакомо это непріятное чувство? Когда Бальзакъ впадаетъ въ неуклюжій восторгъ, или Диккенсъ притворяется дѣтски трогательнымъ, или Ауэрбахъ наивнымъ,—эта дѣланность и фальшь возбуждаетъ въ читателѣ отталкивающее чувство. Никто никогда не встрѣчаетъ у Тургенева этихъ промаховъ художника.

Задачи, которыя онъ поставилъ себѣ—самыя трудныя задачи. Онъ считаетъ постыднымъ для себя увлекать читателя романтическими характерами и необыкновенными приключеніями, и не менѣе того постыднымъ—прельщеніе чѣмъ нибудь безнравственнымъ.

Рѣдко, или никогда, въ его повѣстяхъ или романахъ происходитъ что-нибудь необычайное — катастрофа, подобная разрушенію дома въ концѣ „Степного короля Лира“, представляетъ полное исключеніе,—и, хотя онъ не избѣгаетъ низкихъ и грязныхъ характеровъ и разсказываетъ романтическія происшествія, какихъ не могъ бы разсказать ни одинъ англійскій новеллистъ, онъ никогда не коснется при этомъ ничего непристойнаго, чѣмъ грѣшатъ художники, разъ навсегда отказавшіеся отъ всего условнаго. Какъ художникъ, онъ былъ рѣшительный, но стыдливый реалистъ.

Его главная задача, какъ писателя, изображеніе убогихъ, слабыхъ, скитальцевъ, непостоянныхъ, лишнихъ и покинутыхъ. Онъ поэтъ смирившихся въ своемъ несчастіи. Онъ рисовалъ внутреннюю, безмолвную жизнь несчастія.

Пусть прочтетъ кто-нибудь его краткія сцены или эскизы изъ русской жизни, напримѣръ „Переписку“. Здѣсь мы постепенно знакомимся съ молодой дѣвушкой, которая одинокая, непонятая и осмѣянная своею глупою средою, живетъ въ маленькой деревушкѣ, наканунѣ того, чтобы остаться старою дѣвой. Она уже примирилась съ этимъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ ее покинулъ женихъ. Она ничего не требуетъ отъ жизни. У нея одно только желаніе, желаніе покоя, и она на пути къ достиженію его. И вотъ вдругъ къ ней начинаетъ писать одинъ изъ друзей дѣтства, можетъ быть изъ желанія подѣлиться мыслями, или отъ нечего дѣлать, можетъ быть, вслѣдствіе одиночества, или изъ участія къ ней. Сначала она отвѣтила сдержанно. Получивъ новыя посланія, она уступаетъ его просьбамъ продолжать переписку. Онъ пишетъ. Теперь она отвѣчаетъ ему не краткими, а длин-

ными краснорѣчивыми письмами. Такимъ образомъ въ ея сердце зарождается чувство дружбы и немного спустя это чувство переходитъ въ чувство любви.

Одно мгновеніе они любятъ оба. Онъ тоскуетъ по ней и мечтаетъ о ней. День его отъѣзда и пріѣзда къ ней уже назначенъ. И вдругъ переписка прекращается. Прельщенный какою то танцовщицей и подъ вліяніемъ ея вульгарныхъ прелестей онъ забываетъ все, она же снова погружается въ свое ужасное одиночество и на этотъ разъ еще глубже.

Прекрасно написанная повѣсть „Несчастная" разсказываетъ исторію другой молодой дѣвушки, несчастіе которой столь же безмолвно и безъисходно. Ея самыя раннія воспоминанія относятся къ тому времени, когда она со своею матерью еврейкою, дочерью иностранца живописца, каждый день обѣдала за столомъ помѣщика Колтовского. Господинъ Колтовскій—громадное, старое пугало, отъ котораго отвратительно пахнетъ амброю и который постоянно нюхаетъ табакъ изъ золотой табакерки,—не внушаетъ ребенку ничего, кромѣ страха, даже тогда, когда протягиваетъ для поцѣлуя свою грубую, жесткую руку въ вышитой манжетѣ. Мать ея принудили выйти замужъ за отвратительнаго управляющаго Рача, и въ то же время дѣвочка узнаетъ, что помѣщикъ ей отецъ. Никогда этотъ отецъ не оказывалъ ей любви, даже никогда не сказалъ ей ни одного дружескаго слова. Съ жестокою надменностью онъ выдаетъ ее за свою маленькую чтицу. Мать умираетъ. Немного лѣтъ спустя умираетъ и старый безсердечный помѣщикъ. Отъ его брата Сусанна получаетъ небольшую сумму денегъ, которую отбираетъ у нея отчимъ. Она выросла, сердце ея заговорило въ первый разъ. Она страстно влюбляется въ своего двоюроднаго брата Михаила, молодаго, прекраснаго офицера, который любитъ ее, какъ она и заслуживаетъ быть любимой. Какъ только открылись интимныя отношенія молодыхъ людей, ихъ тотчасъ же разлучили. Михаилъ удаленъ и вскорѣ затѣмъ умираетъ. Отецъ же его, разрушившій эту связь,

начинаетъ ухаживать за своею племянницею съ безчестными намѣреніями. Наконецъ и онъ умираетъ и оставляетъ ей пенсію, которую опять получаетъ за нея отчимъ. Такъ проходятъ три, шесть, семь лѣтъ. Время идетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь. Все стало для нея безразлично. Но вотъ въ ея жизнь проникаетъ новый лучъ свѣта. Молодой человѣкъ, овладѣвшій ея сердцемъ, снова вызываетъ ея склонность; но окружающіе, особенно пустой, испорченный сводный братъ, такъ наклеветали ему на ея прошлое, что онъ удаляется отъ нея и уѣзжаетъ. Она же отравляется.

Или прочтемъ „Дневникъ лишняго человѣка", самое заглавіе котораго говоритъ о его содержаніи. Смертельно больной, доживая послѣдніе дни, разсказываетъ рядъ самыхъ обыкновенныхъ приключеній, составляющихъ его жизнь, какъ лишняго человѣка. Разъ только онъ полюбилъ и то только для того, чтобы испытать всѣ муки ревности и всякаго рода униженія, какъ существо, которое презирали. Елизавета любитъ не его, а блестящаго молодаго петербургскаго князя, который проѣздомъ останавливается по сосѣдству съ нею.

Онъ вызываетъ князя, пощаженъ имъ на дуэли и ничего отъ этого не выигрываетъ кромѣ того, что его начинаютъ считать дурнымъ человѣкомъ, а его возлюбленная къ тому же и убійцею. Князь соблазнилъ и покинулъ Елизавету, а онъ, не смотря на это, снова предлагаетъ ей руку, но съ презрѣніемъ отвергается. Она отдаетъ свою руку другому, столь же благородному другу, опередившему его. Даже и въ этомъ случаѣ онъ является лишнимъ, пятымъ колесомъ въ телѣгѣ. И въ то же время можно прочесть между строками, сколько въ немъ сердечности, благородства и честности. Послѣднія страницы „Дневника" содержатъ прощальныя слова, съ которыми покинутый докторомъ, больной разстается съ жизнію.

„Яковъ Пасынковъ"—разсказъ въ такомъ же родѣ. Пасынковъ типъ русскихъ людей, которыхъ Тургеневъ такъ любитъ изображать.

Высокій, худощавый, плоскогрудый и даже нѣсколько красноносый, онъ не представителенъ наружностью, но его лобъ прекрасно очерченъ, голосъ нѣженъ и тихъ, и о немъ говорится такъ: „въ устахъ его слова: „добро“, „истина“, „жизнь“, „наука“, „любовь“, какъ бы восторженно они не произносились, никогда не звучали ложнымъ звукомъ“.

Въ его исторіи вдвойнѣ обнаруживается основная идея Тургенева. Онъ любитъ молодую дѣвушку, которая ни мало о немъ не думаетъ. Когда въ уединеніи, забытый всѣми, онъ умеръ въ какомъ-то захолустьи Сибири, на его груди нашли два сувенира о ней. Для того, чтобы она полюбила его, ему недоставало нѣкоторой доли порочности, немного болѣе самолюбія и легкомыслія. И между тѣмъ, въ то время, какъ онъ изнывалъ въ этой безнадежной страсти, онъ и не подозрѣвалъ, что другая дѣвушка, некрасивая, нѣсколько неловкая—сестра первой—любила его такъ горячо, что никогда не измѣняла его памяти и ради него ни за кого не выходила замужъ.

Но изъ всѣхъ этихъ простыхъ и столь же законченныхъ монографій несчастія, самымъ выдающимся является, безъ сомнѣнія, позднѣйшій разсказъ „Живыя мощи“. Въ цѣломъ это почти одинъ монологъ, разсказанный автору молодою и нѣкогда прелестной, теперь же исхудавшей на подобіе скелета русской крестьянской дѣвушкой. Онъ находитъ ее лежащею на полу въ уединенномъ домикѣ. Такъ лежала она на спинѣ семь лѣтъ со времени своего роковаго паденія. Ея изсохшая голова была бронзоваго цвѣта, носъ заострился, какъ лезвіе ножа, губы сморщились и только зубы да бѣлки глазъ блестѣли; нѣсколько прядей жидкихъ свѣтло желтыхъ волосъ ниспадали на лобъ. На одѣялѣ покоились ея руки: темные маленькіе пальцы медленно двигались туда и сюда. Когда-то она была самая сильная, веселая и красивая дѣвушка въ округѣ; постоянно смѣялась, пѣла и танцовала. Она разсказываетъ, какъ ей жилось послѣ паденія. Ее свело, она почернѣла, потеряла силы, не могла ни стоять, ни

ходить, потеряла охоту къ ѣдѣ и питью: напрасно прижигали ей спину раскаленнымъ желѣзомъ, напрасно сажали ее въ колотый ледъ. И обо всемъ этомъ она ведетъ разсказъ почти въ веселомъ тонѣ, не стараясь вызвать состраданіе слушателя. Женихъ оставилъ ее и взялъ другую. Онъ, какъ говоритъ она, слава Богу, счастливъ въ своемъ супружествѣ. Его поступокъ съ нею она считаетъ совершенно естественнымъ и правильнымъ. Она благодарна всѣмъ, кто не оставляетъ ея, особенно одной маленькой дѣвочкѣ, которая приноситъ ей цвѣты. Она не скучаетъ, не жалуется,—бываютъ гораздо болѣе несчастные—слѣпые, глухіе, она же прекрасно видитъ и слышитъ; слышитъ, какъ роется кротъ подъ землею, и чувствуетъ взякій запахъ, даже слабый запахъ гречихи, когда она зацвѣтетъ въ далекихъ поляхъ, даже запахъ липъ, что цвѣтутъ тамъ, въ концѣ сада.

Къ важнымъ событіямъ своей жизни она причисляетъ и то, когда курица, или воробей, или бабочка залетятъ къ ней черезъ окно, или дверь. Съ большимъ удовольствіемъ вспоминаетъ она, какъ однажды забрался къ ней въ гости заяцъ. Лукерья вспоминаетъ Тургеневу и былое время, когда она пѣвала пѣсни. По временамъ она и теперь еще поетъ. Мысль, что это полуживое существо готовится запѣть, возбуждаетъ въ немъ нѣчто въ родѣ ужаса. И вотъ, колеблясь, какъ тонкая струйка дыма, звенитъ ея маленькій, тонкій голосокъ, едва слышными, но чистыми и вѣрными звуками. Она разсказываетъ свои знаменательные сны, что снятся ей, когда среди страданій изрѣдка удается ей заснуть. Въ одномъ видитъ она Христа, будто онъ идетъ къ ней на встрѣчу и протягиваетъ ей руку; въ другомъ снится ей, что какая-то женщина приближается къ ней—это ея смерть—и сожалѣетъ, что не можетъ еще взять ее съ собой. Когда Тургеневъ удивился ея терпѣнію, она возражаетъ:

Чему тутъ удивляться? Что особеннаго сдѣлала она? Нѣтъ, вотъ та дѣвственница, что гдѣ-то въ далекой странѣ, прогнавъ за море враговъ мечомъ своимъ, сказала: „теперь вы меня со-

жгите, потому что такое было мое обѣщаніе, чтобы мнѣ огненною смертью за свой народъ помереть“, вотъ она, дѣйствительно, совершила удивительный подвигъ. На прощанье Лукерья проситъ Тургенева замолвить его матери словечко за крестьянъ,—у нихъ такіе тяжелые оброки. Ей же самой ничего не надо, у ней нѣтъ никакихъ желаній.

II.

Но не этими мелкими производеніями пріобрѣло себѣ всемірную славу имя Тургенева. Заграницей онъ впервые сталъ извѣстенъ своими большими повѣстями и романами, художественными произведеніями, каковы: „Наканунѣ“, „Рудинъ“, „Вешнія воды“, „Дымъ“, „Отцы и дѣти“, „Новь“. Въ европейской литературѣ нѣтъ болѣе тонкой, чѣмъ здѣсь, психологіи, нѣтъ болѣе законченнаго изображенія характеровъ, и что почти неслыхано въ исторіи новѣйшаго искусства,—фигуры женщинъ и мужчинъ въ одинаковой степени совершенны. Съ невыразимою нѣжностью изображаетъ Тургеневъ Елену и Джемму, молодыхъ дѣвушекъ, всецѣло пользующихся его симпатіей. Здѣсь рукою художника водитъ любовь, которая совершенно исключаетъ хвалу и поклоненіе образамъ со стороны поэта. Каждое слово, сказанное о нихъ, ясно, опредѣленно. Одна изъ этихъ дѣвушекъ и выраженіемъ лица, и жестами, и смѣхомъ, и складомъ мысли, и любовью—совершенная итальянка; другая остается въ памяти читателя, какъ прекраснѣйшій типъ русской женщины.

Только первые поэты міра изображали нѣчто столь же жизненное и законченное. Обнаруживающееся здѣсь поклоненіе красотѣ ни мало не повредило изученію природы. Это не женщины, созданныя по произволу поэта, принадлежащія къ фантастическому царству поэзіи, какъ женскіе типы многихъ другихъ писателей, это не продукты личной мечтательности автора о женщинѣ, не воплощенія только его собственнаго идеала, это результаты изу-

ченія, добытые на основаніи живѣйшаго чувства истины и глубокаго пониманія ея. Наибольшаго труда требовалось отъ Тургенева при обработкѣ главнѣйшихъ мужскихъ характеровъ, вслѣдствіе уже самой природы ихъ. Главная задача каждаго писателя выдержать характеръ и избѣжать въ немъ противорѣчій. Между тѣмъ у Тургенева выдающіеся характеры состоятъ всецѣло изъ противорѣчій. Онъ съумѣлъ, не нарушая цѣльности характеровъ, отмѣтить непостоянство, какъ основную черту ихъ. Въ настоящемъ русскомъ человѣкѣ, какимъ его изображаетъ Тургеневъ, только на непостоянство и можно разсчитывать съ увѣренностью. Подобно тому какъ въ „Перепискѣ“ Алексѣй оставляетъ Марію, такъ Рудинъ покидаетъ Наташу, Санинъ въ „Вешнихъ водахъ“ — Джемму, Литвиновъ въ „Дымѣ“ Татьяну и т. д. Они покидаютъ красоту, молодость, свѣжесть, сердечную доброту, счастье и гоняются за одуряющимъ, унизительнымъ, или, единственно по недостатку твердости, по неувѣренности въ самихъ себѣ, бросаютъ начатое ими дѣло.

Но этимъ непостояннымъ мужчинамъ, страсти которыхъ столь же быстро проходятъ, какъ и возбуждаются, соотвѣтствуютъ, къ ихъ собственному удивленію, и женщины, расчитывать на которыхъ еще труднѣе: женщины, готовыя полюбить и не рѣшающіяся на это, какъ Одинцова въ „Отцахъ и дѣтяхъ“, женщины, безсознательно обольщающія мужчинъ, то отдающіяся имъ, то отталкивающія ихъ, какъ Груня въ „Дымѣ“, и наконецъ, холодныя вакханки въ родѣ Марьи Николаевны, похищающей Санина у Джеммы.

Иногда непостоянство или измѣны могутъ показаться недостаточно мотивированными, напримѣръ въ „Вешнихъ водахъ“, но это происходитъ, можетъ быть, отъ того, что Тургеневъ эту черту юношескихъ характеровъ предполагаетъ, такъ сказать, заранѣе извѣстною. Въ его наибольшемъ разсказѣ „Рудинъ“ образецъ непостоянства такъ глубокъ и такъ полонъ, что чрезъ слабости одного только этого характера становятся совершенно понятными всѣ

слабыя стороны русскаго характера вообще. Всего удивительнѣе здѣсь въ искусствѣ поэта, что онъ съумѣлъ не возбудить ни малѣйшей симпатіи къ герою-фразеру Рудину. Рудинъ, говорящій съ такимъ жаромъ, такъ блестяще разсказывающій, къ услугамъ котораго, такъ сказать, „вся музыка краснорѣчія“ — лѣнивъ, властолюбивъ, повсюду играетъ какую-нибудь роль, живетъ постоянно на чужой счетъ, холоденъ, когда его считаютъ наиболѣе разгоряченнымъ, вовсе неспособенъ ни къ какой дѣятельности, когда въ немъ только что предположили стремленіе къ таковой. Но Рудинъ у Тургенева является всетаки заслуживающимъ скорѣе сострадания, нежели негодованія, и съ полнымъ основаніемъ оказываетъ большое вліяніе на юношество. Люди съ мужественнымъ и сильнымъ характеромъ не фигурируютъ въ главныхъ роляхъ, въ первыхъ опытахъ Тургенева. Хочетъ ли онъ изобразить мужчину, вполнѣ заслуживающаго это названіе и на котораго женщинѣ стоитъ обратить свое вниманіе, онъ, какъ напримѣръ въ „Накунунѣ“, выбираетъ чужестранца, болгарина, обладающаго именно всѣми такими качествами, которыхъ недостаетъ ни самымъ лучшимъ, ни самымъ ничтожнымъ изъ русскихъ.

Тѣ же мужчины, къ которымъ Тургеневъ самъ питаетъ уваженіе, названы имъ вскользь; онъ отодвигаетъ ихъ на заднiй планъ, или пользуется ими ради контраста, чтобы сильнѣе очертить ложь и безсиліе главныхъ фигуръ. Такова, напримѣръ, въ „Рудинѣ“ личность Покорскаго, о которомъ Лежневъ выражается въ такихъ горячо восторженныхъ словахъ и въ которомъ мы имѣемъ, безъ сомнѣнія, портретъ знаменитаго критика Бѣлинскаго, друга юности и учителя Тургенева, чьей памяти Тургеневъ посвятилъ „Отцовъ и Дѣтей“ и рядомъ съ кѣмъ въ предсмертный часъ выразилъ желаніе быть погребеннымъ. О Покорскомъ говорится такъ: „Покорскій былъ на видъ тихъ и мягокъ, даже слабъ—и любилъ женщинъ до безумія, любилъ покутить, и не дался бы никому въ обиду. Рудинъ казался полнымъ огня, смѣлости, жизни, а въ душѣ былъ холоденъ и чуть ли не робокъ, пока не задѣ-

валось его самолюбіе: тутъ онъ на стѣны лѣзъ. Онъ всячески старался покорить себѣ людей, но покорялъ онъ ихъ во имя общихъ началъ и идей, и, дѣйствительно, имѣлъ сильное вліяніе на многихъ. „Покорскому всѣ отдавались сами собой. Эхъ! славное было время тогда, и я не хочу вѣрить, что бы оно пропало даромъ! Да оно и не пропало,—не пропало даже для тѣхъ, которыхъ жизнь опошлила потомъ... Сколько разъ мнѣ случалось встрѣтить такихъ людей, прежнихъ товарищей! Кажется, совсѣмъ звѣремъ сталъ человѣкъ, а стоитъ только произнести при немъ имя Покорскаго—и всѣ остатки благородства въ немъ зашевелятся, точно ты въ грязной и темной комнатѣ раскупорилъ забытую стклянку съ духами“.

Въ „Отцахъ и Дѣтяхъ“, въ модномъ въ то время образѣ Тургеневъ впервые далъ типичный образецъ силы русскаго характера и духовнаго превосходства.

Личностью Базарова вводится въ изящную литературу нигилизмъ. Тургеневъ, въ своихъ сочиненіяхъ направлявшій до сихъ поръ стрѣлы противъ славянофиловъ, которые пологали спасеніе Россіи въ разрывѣ съ западно-европейскимъ образованіемъ—этотъ великій скептикъ, мало во что вѣрившій, вѣрилъ въ нашу культуру—теперь обличаетъ узкость и скудомысліе поклонниковъ утилитаризма изъ среды молодого поколѣнія, даровитость которыхъ во всякомъ другомъ случаѣ не только обращаетъ на себя вниманіе, но даже вызываетъ изумленіе. Его книгу, по геніальности, съ какою онъ характеризуетъ главные типы молодежи, по впечатлѣнію, которое она производитъ, по негодованію и недоразумѣніямъ, къ которымъ она дала поводъ,—можно считать событіемъ и въ русской исторіи, и въ жизни самаго писателя. Это безупречно художественное произведеніе, въ то же время и прототипъ для всѣхъ романовъ различныхъ странъ, романовъ, въ которыхъ изображаются взаимныя отношенія и борьба стараго и молодого поколѣнія. Въ „Дымѣ“ (1867), нѣсколько менѣе совершенномъ произведеніи, подвергаются ѣдкой насмѣшкѣ болтли-

вые и многовоображающіе о себѣ реформаторы Россіи. Манера изложенія напоминаетъ манеру норвежскаго писателя Генриха Ибсена, когда онъ въ своихъ драматическихъ пьесахъ пробираетъ коноводовъ—соотечественниковъ. Но въ „Нови“ (1876), въ самомъ послѣднемъ изъ большихъ сочиненій Тургенева и самомъ многостороннемъ изъ всѣхъ, какія только онъ писалъ, поэтъ заканчиваетъ свой судъ надъ обществомъ съ глубоко безпристрастною справедливостью. Онъ строго справедливо распредѣляетъ здѣсь солнце и вѣтеръ между положеніями, породою, тенденціями и слоями общества своего обширнаго отечества. „Новь“ есть богатѣйшее и полнѣйшее выраженіе гуманности и житейской мудрости Тургенева, его любви къ свободѣ и истинѣ. Здѣсь онъ обнаруживаетъ, по всей вѣроятности, самымъ положительнымъ образомъ свое личное чувство къ Россіи и свое уваженіе къ русской молодежи, хотя иностранцу и можетъ показаться, что онъ эту молодежь не особенно высоко цѣнилъ.

Во всякомъ случаѣ Тургеневъ высказалъ здѣсь свой безпристрастный взглядъ на ея высокій идеализмъ. Поистинѣ и здѣсь все на мели! Старые роды съ ихъ сипягинскимъ либерализмомъ разъ навсегда отжили. Въ молодомъ поколѣніи все превосходно обдумано, все самымъ безкорыстнымъ образомъ поставлено на карту, но средства и цѣль слишкомъ далеко отстоятъ другъ отъ друга.

Неждановъ идетъ въ народъ распространять брошюры и книги, но мужики принимаютъ его совсѣмъ иначе. Они хотятъ выпить съ нимъ, и несчастный апостолъ народа привозится домой, опьянѣвшій до безчувствія. Недаромъ Неждановъ, немного ранѣе этого, закончилъ свое стихотвореніе „Сонъ“ слѣдующею незабвенною картиной:

И штофъ съ очищенной всей пятерней сжимая,
Лбомъ въ полюсъ упершись, а пятками въ Кавказъ,
Спитъ непробуднымъ сномъ отчизна, Русь святая!

Однако-жъ въ этомъ послѣднемъ большомъ произведеніи въ

неясномъ и отдаленномъ абрисѣ виднѣется будущее. Оно подготовляется молодыми дѣвушками, въ родѣ Маріанны и Машуриной, молодыми людьми. въ родѣ Маркелова, Соломина и Нежданова.

Бросимъ взглядъ на прошедшее Тургенева. Его высылка внутрь Россіи въ 1852 г. за слишкомъ горячо написанную статью о Гоголѣ, была, такъ сказать, рѣшающимъ судьбу обстоятельствомъ его жизни, потому что чрезъ два года, послѣ помилованія онъ навсегда покинулъ свое отечество. Онъ жилъ съ этихъ поръ попеременно то въ Германіи, то во Франціи (Баденъ-Баденъ и Парижъ), въ странахъ, имѣвшихъ большое вліяніе на его образованіе. Выборомъ мѣстопребыванія руководила, безъ сомнѣнія, его страстная и до самой смерти неизмѣнная дружба къ знаменитой пѣвицѣ Паулинѣ Гарсіа Віардо. И въ самомъ дѣлѣ, онъ всю свою жизнь провелъ, какъ родной, въ семействѣ Віардо. Непостоянство чувствъ, приписываемое имъ соотечественникамъ, въ немъ самомъ, кажется, не существовало.

Его отношенія къ Германіи и Франціи были очень различны. Уже въ силу старинныхъ русскихъ традицій онъ, вѣроятно, былъ ближе къ Франціи нежели къ Германіи.

Въ молодости (уже съ 1840 г.) онъ изучалъ въ Берлинѣ философію, филологію и исторію, почиталъ Гете выше всего и одно время, юношей, зачитывался Гейне. постоянно поддерживалъ дружескія отношенія съ нѣмецкими поэтами и писателями (каковы Поль Гейзе, Эрнестъ Домъ и Людвигъ Пичъ), говорилъ понѣмецки, какъ истый нѣмецъ, былъ искреннимъ поклонникомъ величія германской науки и еще недавно, по поводу пріобрѣтенія пергамскихъ сокровищъ. публично выразилъ свое удивленіе знанію и предпріимчивости нѣмцевъ. Тѣмъ не менѣе въ его разсказахъ, какъ во всѣхъ почти русскихъ романахъ и повѣстяхъ, нѣмцы изображаются въ высшей степени въ сатирическомъ и даже повременамъ въ непріязненномъ свѣтѣ. Непризнаніе этого бьющаго въ глаза факта естественнымъ кажется мнѣ слабостью со стороны

нѣмецкой критики. Извѣстно, что ни одна нація не восторгается другою. Русской женщинѣ у Виктора Шербюлье или Поля Гейзе („Владиславъ Больскій“, „Въ раю“, „Счастье Ротенбурга“) рѣдко приходится играть лучшую роль. Должно быть, не смотря на всѣ симпатіи къ отдѣльнымъ личностямъ изъ нѣмцевъ, и въ душѣ Тургенева всегда оставалась безотчетная, національная непріязнь.

Однако-же съ французами онъ ладилъ легче, хотя съ другой стороны ему нельзя отказать въ знаніи недостатковъ французской натуры и недостаточности французской цивилизаціи. Въ Парижѣ, который вообще относится къ иностранцамъ съ предубѣжденіемъ, Тургеневъ чувствовалъ себя, какъ художникъ, вполнѣ понятымъ и по достоинству оцѣненнымъ. Его одинаково горячо чтили и старые писатели (Мериме), и писатели молодого поколенія (Ожье. Тэнъ, Флобэръ, Гонкуръ), и поколѣнія позднѣйшаго (Золя, Додэ, Мопассанъ). Къ кружку собиравшихся у Флобэра онъ относился съ довѣріемъ и былъ съ ними на дружеской ногѣ, какъ ни съ кѣмъ изъ писателей другихъ странъ.

Его отношеніе къ собственной родинѣ было измѣнчиво. Онъ началъ, какъ поклонникъ Байрона и какъ романистъ, безъ оригинальности и послѣдовательности. По этому, можетъ быть, Александръ Герценъ находилъ его въ этотъ періодъ исполненнымъ афектаціи (онъ говорилъ, какъ передавалъ мнѣ лично слышавшій это, что Тургеневъ до того любитъ эффекты, что даже не поѣстъ безъ эффекта). Бѣлинскій оторвалъ его отъ Байрона, Гейне и романтиковъ и направилъ на истинный путь. Его полемика противъ крѣпостничества и вызванное тѣмъ преслѣдованіе со стороны правительства утвердили за нимъ прозвище ультралиберальнаго писателя. Послѣ „Отцовъ и Дѣтей“ онъ сдѣлался предметомъ непонятнаго и даже чрезвычайно непріязненнаго обвиненія въ томъ, что онъ будто бы измѣнилъ идеаламъ своей юности.

Во время послѣдняго посѣщенія имъ Россіи это недоразумѣніе окончательно уступило мѣсто лучшему мнѣнію о немъ и его

путь былъ тріумфальнымъ шествіемъ. Въ позднѣйшіе годы своей жизни онъ наслаждался такимъ же исполненнымъ почтенія преклоненіемъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ.

Дѣйствительно ли онъ наслаждался этимъ? Мнѣ не вѣрится. Почитаніе пріятно трогало его, но онъ не радовался ему, потому что оно не могло разогнать его меланхоліи. Эдмондъ Гонкуръ разсказываетъ, что Тургеневъ, котораго онъ встрѣтилъ въ мартѣ 1872 года, на званомъ обѣдѣ у Флобэра, подъ вліяніемъ грусти, легко сообщившейся кружку друзей, которые также всѣ приближались къ старости, сказалъ слѣдующія слова: „Знаете ли, бываетъ,—останется въ комнатѣ запахъ мускуса и потомъ его никакъ уже не уничтожить. Вотъ и мнѣ кажется, что вокругъ меня вѣетъ разрушеніемъ и все уничтожающей смертью“. Его послѣднія произведенія, прелестная оригинальная повѣсть „Клара Миличъ“, въ которой онъ проводитъ свою излюбленную тему—отвергнутая любовь, и достойное удивленія собраніе стихотвореній въ прозѣ „Senilia“ *) содержатъ въ себѣ еще болѣе глубокую меланхолію, нежели его юношескія произведенія, блистающія только въ высшей степени поэтическими и лирико-фантастическими элементами.

Здѣсь въ послѣдній разъ, лицомъ къ лицу съ тайной жизни онъ вглядывается въ ея очи и съ глубокою грустью пытается истолковать ее въ глубоко прочувствованныхъ символическихъ образахъ.

Природа жестока и холодна, пусть же люди тѣмъ болѣе не перестаютъ любить другъ друга и природу! Въ „Senilia“ есть разсказъ о томъ, какъ Тургеневъ, путешествуя одинъ на пароходѣ изъ Гамбурга въ Лондонъ, по цѣлымъ часамъ держалъ въ своихъ рукахъ руку бѣдной, маленькой, прикованной обезьянки—геній, умъ котораго постигалъ вселенную, рука въ руку съ маленькимъ человѣкоподобнымъ животнымъ, какъ два добрые род-

*) Стариковскія.

ственника, двое дѣтей одной и той же матери—въ этомъ лежитъ болѣе назиданія, чѣмъ въ какой угодно назидательной книгѣ.

Человѣческая неблагодарность всегда производила на Тургенева глубокое впечатлѣніе. Никто изъ читавшихъ „Senilia‘ никогда не забудетъ „Пира у Верховнаго существа“. „Всѣ добродѣтели были имъ позваны въ гости, однѣ добродѣтели... мужчинъ онъ не приглашалъ... однѣхъ только дамъ. Собралось ихъ очень много—великихъ и малыхъ. Малыя добродѣтели были пріятнѣе и любезнѣе великихъ; но всѣ казались довольными—и вѣжливо разговаривали между собою, какъ приличествуетъ близкимъ родственникамъ и знакомымъ. Но вотъ Верховное существо замѣтило двухъ прекрасныхъ дамъ, которыя, казалось, вовсе не были знакомы другъ съ дружкой. Хозяинъ взялъ за руку одну изъ этихъ дамъ и подвелъ ее къ другой.

„Благодѣтельность“—сказалъ онъ, указавъ на первую.

„Благодарность“—прибавилъ онъ, указавъ на вторую.

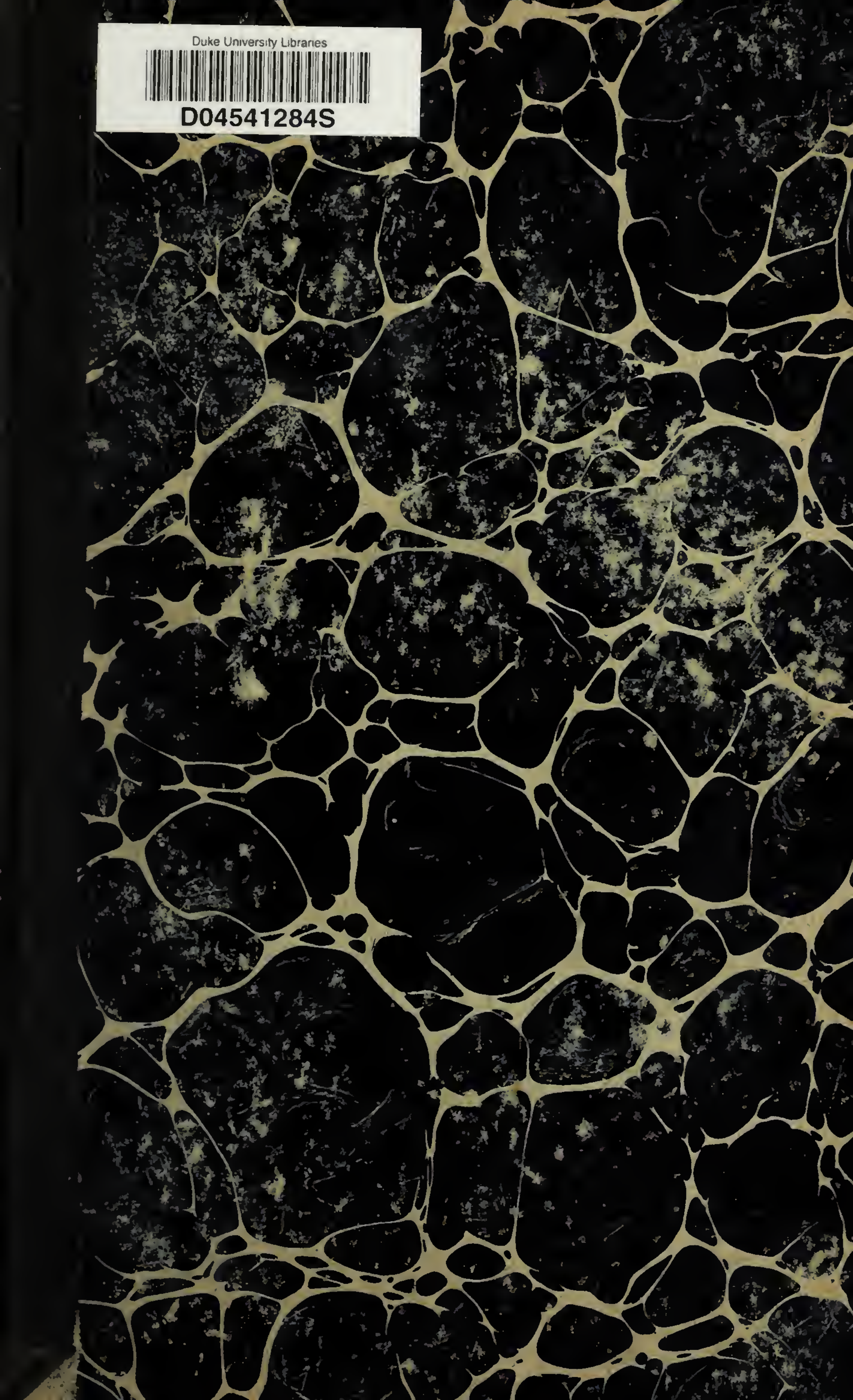
Это была ихъ первая встрѣча съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ.

Какая грусть въ остроуміи и какая горечь!

Мнѣ больно, что и моя благодарность къ этому великому благодѣтелю выражается мною только теперь, когда онъ уже не можетъ болѣе принять ее.

ЦѢНА 15 КОП.

Duke University Libraries
D04541284S